

So, reference to the analysis of specifics of art embodiment of life space offer the challenge for the model of world studying as a whole, and that is important for identifying of the direction and dynamics of the literary process.

Keywords: *Ukrainian novel of the second half of the XIX century, culture, code, archetype, symbol, psychological boundaries, dream, poetics.*

УДК 821.161.1'05(045)

Е. В. Педченко

РАЗМЫШЛЕНИЕ О ГЕНДЕРЕ И ЖЕНСКОМ ТВОРЧЕСТВЕ ПИСАТЕЛЕЙ-СИМВОЛИСТОВ И ФИЛОСОФОВ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА

В статье представлены основные положения гендерного дискурса Серебряного века, участниками которого выступили философы Н. Бердяев, В. Розанов, В. Соловьев и писатели-символисты А. Белый, З. Гиппиус, В. Иванов, Д. Мережковский. В рамках данного дискурса рассматриваются мнения о женском творчестве и восприятии литературной практики писательниц, близких к символистскому кругу.

Ключевые слова: *гендер, вейнингерианство, имагология, Серебряный век, андрогинизм, женское творчество.*

Опыт рассмотрения художественного творчества с точки зрения гендера появился в русском литературоведении еще до распространения термина *гендер*, например, Ю. Лотман в «Беседах о русской культуре...» отмечает, что отличие между взглядом мужским и женским «отнодь не элементарно биологического свойства». По его мнению, «Женский взгляд при упоминании имени человека прежде всего видит ребенка, а затем уже – процесс его формирования. Мужской взгляд подчеркивает в человеке его поступки, то, что он совершил; женский – то, что он мог бы совершить, но утратил или совершил не полностью. Мужской взгляд прославляет сделанное, женский – скорбит о несделанном» [1, с. 22]. Женское творчество всегда присутствовало в русской литературе и привлекало внимание критики, например, работы В. Г. Белинского «Сочинения Зенеиды Р-вой», В. Ходасевича «Графиня Е. П. Ростопчина. Её жизнь и лирика», К. И. Чуковского «Некрасов и Панаева», Б. Эйхенбаума «Анна Ахматова: Опыт анализа» и др. За последние двадцать лет широкий историко-литературный материал по исследованию русской женской прозы XIX–XX вв. представлен в работах М. Михайловой, О. Пензенной, Н. Пушкаревой, И. Савкиной, Е. Строгановой, Е. Тарланова, Е. Трофимовой и др.

В современном литературоведении мы наблюдаем смещение интереса от женского образа к женщине-автору, что привело к попытке создания новой методологии, соответствующей гендерным исследованиям, которая уже сложилась в психологии, социологии, но до сих пор остается проблематичной в литературе, так как сводится в основном к выделению особенностей женского творчества. Так, Г. А. Пушкарь в диссертации «Типология и поэтика женской прозы – гендерный аспект» (2007) видит основную задачу гендерного исследования и принцип анализа в выявлении идентичности женской прозы, которая «определяется способностью автора-женщины отождествить себя со своим телесным комплексом, раскрыться всякий раз

«изнутри», дать художественную интерпретацию образа мужчины, увиденного женским взглядом» [2]. Восприятию женского творчества через его телесность посвящена книга исследований «Women's Literary Creativity and the Female Body» (Marquette University, 2007), представленная Дианой Говелер и Донной Декер Шустер [3]. Такой подход естественен, так как начальный этап гендерологии связан с женским движением 1960–1980-х гг. Сегодня он нашел свое продолжение в феминистском литературоведении, которое основывается на методологии Элейн Шоуолтер, Сандры Гилберт, Сюзан Губар и др. Традиционный подход к изучению литературы предлагает рассматривать гендерный аспект как диалог полов.

Особое значение для понимания данного диалога в литературе русского символизма имеет рассмотрение контекста, философского поля Серебряного века, которое повлияло на взгляды писателей. Собственно, проблеме гендерной дифференциации посвящены работы Н. Бердяева («Философия неравенства», «Смысл творчества»), В. Эрн («Меч и крест»), В. Иванова («О достоинстве женщины»), З. Гиппиус («Зверобог: О половом вопросе», «О женском поле») и др. Следует заметить, что приоритет в философии и литературе остается за авторами мужчинами, которые создают имагологический текст, где в качестве образа «другого» выступает женщина. Создание гендерных стереотипов не является объектом изучения имагологии, так как традиционно это направление компаративистики представляет изучение образа иностранца или иного этноса, который складывается в национальной культуре и представляется в оппозиции «свое – чужое (другое)». Однако мы не можем отрицать идентичности принципа создания гендерного образа-стереотипа, который также «пронизывает всю культуру и является одним из главных концептов всякого коллективного, массового, народного, национального мироощущения» [4, с. 473].

Таким образом, **целью** нашего исследования стало рассмотрение дискурса мыслителей Серебряного века, для которых вопрос пола в широком смысле стал одним из ключевых. Изучение представлений о природе женского и мужского, андрогинности, об отношении к женскому творчеству и вейнингеризму – задачи достаточно сложные, но обусловленные актуальностью рассмотрения оригинальных гендерных точек зрения, возникших в начале XX века.

В монографии О. Рябова «Женщина и женственность в философии Серебряного века» (глава «Философская мысль Серебряного века о мужском и женском началах») представлено исследование текстов русских философов: В. Розанова, Н. Бердяева, Вл. Соловьева, П. Флоренского, С. Булгакова и др., которые дают представление о стереотипном образе женщины начала XX века, как «другого» по отношению к мужскому, т. е. «своему». Мы позволили себе воспользоваться результатами наблюдений О. Рябова и обобщенно представить основные гендерные характеристики.

С точки зрения русских философов женщина – натура восприимчивая, открытая для Земли и Неба, способная подражать, готовая осуществлять чужой идеал, заимствовать мужские убеждения, не способная противостоять потоку впечатлений, внушению, чужому влиянию, так как ее природа не оформлена, хаотична, пассивна, что повышает ее суггестивность. Она должна быть мягче мужчины, ее сила в слабости. Женский идеал представляют: смирение, преданность, жертвенность, терпение, покорность, «жажда раствориться, отдаться» (Бердяев); интуитивность, «женская логика» (Соловьев, Эрн); конкретность мышления, частный взгляд, религиозность. Для нее характерны: доминирование «сердца и инстинкта» (Соловьев); «жизнь чувства, без контроля разума» (Флоренский). Вс. Иванов называет женщину «бессознательной хранительницей какой-то сверхличной природной тайны».

Образ мужчины предстает в стереотипном понимании мужественности, с которым ассоциируется гордыня (Люцифер), разум и сознательность, право

распоряжаться, «быть покровителем и вождем» (Розанов), «быть, слегка... всегда насильником» (Розанов), агрессивность, самовластие, ответственность, дисциплинированность, индивидуальность, логичность, абстрактность мышления, исторический взгляд, богоборчество [5, с. 12–26]. Эти суждения восходят к учению Аристотеля о восприятии мужского и женского, как формы и материи, духовного и телесного.

Особое влияние на гендерные представления в России начала XX века оказала книга молодого австрийского философа Отто Вейнингера «Пол и характер. Принципиальное исследование» (1903), которая еще на языке оригинала получила известность в интеллектуальных кругах, а после публикации в переводе превзошла по популярности беллетристику. Н. Бердяев окрестил это массовое увлечение *вейнингеризмом*. Е. Берштейн отмечает, что «В период между двумя революциями книга Вейнингера была для интеллигентной молодежи, по словам А. С. Изгоева (Ланде) из его известной статьи в сборнике «Вехи», *предметом тайной науки и венцом познания*» [6].

В статье «По поводу одной замечательной книги» (1909) Н. Бердяев высказал опасение, что вейнингеризм станет модой, но в то же время высоко оценил книгу, в которой «разлито дыхание вечного идеализма, глубокая и страстная вражда к позитивизму...», и предсказал популярность специфическим взглядам Вейнингера «на женщину, на бисексуальность человеческого существа и пр.» [7, с. 77]. Действительно, основные вопросы обсуждения книги на собраниях, публичных лекциях и в печати касались этих аспектов.

Причиной кризиса культуры О. Вейнингер считает отмирание мужественности, симптомами которого выступает эмансипация женщин и феминизация мужчин. Первые стали претендовать на общественные роли, а вторые – определять себя через пол и сексуальность, кроме того, стали распространяться «промежуточные половые формы» [8]. Он видит единственный способ спасения культуры в отказе от полового акта, практически повторяя призыв к целомудрию Льва Толстого в предисловии «Крейцеровой сонаты».

Андрей Белый в статье «Вейнингер о поле и характере» (1909) окрестил книгу «гениальным фельетоном». Признавая высокую эрудицию автора, но, в то же время, указывая на ошибки в определенных аспектах, по достоинству оценивая его идеи, но не принимая его взгляда на женщину, А. Белый приходит к выводу: «документ этот только намекает нам на то, что у Вейнингера с женщиной были какие-то личные счеты» [9, с. 105]. Самая резкая оценка этого факта принадлежит В. Розанову «Из каждой страницы Вейнингера слышится крик: «Я люблю мужчин!» – «Ну что же: ты – содомит». И на этом можно закрыть книгу» [10, с. 98]. Но книгу не закрывали, а бурно обсуждали, тем более, что многие вопросы «Пола и характера» перекликались с идеями философов Серебряного века (Вл. Соловьева, В. Розанова и даже Л. Толстого).

Главным предметом обсуждения стало представление автора о женственности (Ж) и мужественности (М), которые не существуют обособлено, а присутствуют в каждом человеке в большей или меньшей степени. Эта теория муже-женского также имела место в русской религиозной философии, и связывалась с пониманием подобия Божьего и андрогинности. О. Вейнингер объясняет выбор партнёра соотношением соприсутствия в нем М и Ж, которые будут дополнять первого, где $M+Ж=1$ в двойне, т.е. муже-женское соединится с жено-мужским [8]. Нечто подобное мы находим у З. Гиппиус в размышлении о стрелах Эроса, которыми он «строит двойной мост между двумя: от мужественности одного человеческого существа к женственности другого, и от его женственности – к мужественности второго» [9, с. 193]. Следует заметить, что

при этом биологический пол может не влиять на людей с равным соотношением М и Ж. И это еще один аспект, который позволил В. Розанову назвать автора «садомитом», так как эта теория объясняет гомосексуальные отношения.

Н. Бердяев предполагает, что О. Вейнингер пытался понять тайну андрогинизма, чтобы спастись от ужаса пола, но не мог приобщиться к этой тайне, так как философски понимал и утверждал бисексуальность человеческого существа, но религиозно был разобщен с тайной андрогинизма как образа и подобия Божьего [7, с. 98]. В этой разобщенности кроется и отношение Вейнингера к женщине, так как он определяет ей только роли матери и проститутки. Возможно, это своеобразная проекция новозаветных образов Богоматери и Марии-Магдалины, но у него они не вызывают поклонение и сострадание, как в христианском миропонимании. Он «идет вопреки воззрению выдающихся мистиков», которые «вносили элемент женственности в самое начало божества» [9, с. 104], и «приходит к проповеди крайнего аскетизма, в котором видит освобождение от Ж, т. е. от греха и зла» [7, с. 82] – заключает Н. Бердяев.

Ужас «перед злой женственностью» О. Вейнингера был связан еще и с получившим значительный размах феминистским движением, в котором он видел зависть и подражание мужчине. Не менее критически к феминизму относится Н. Бердяев. В статье «Смысл творчества» он связывает женское эмансипационное движение с враждой полов, в котором нет красоты андрогинизма, а есть «гермафродитическое уродство», карикатурность и обезьянно-подражательность. «Женская эмансипация, конечно, является симптомом кризиса рода, надлома в поле, и она лучше лицемерного принуждения в старой семье, но в ней нет нового человека и новой жизни, основы ее ветхи» [7, с. 116].

Отто Вейнингер утверждает мысль о превосходстве мужского начала, поэтому отказывает в таланте и тем более гениальности женщине, даже пример Софьи Ковалевской не вызывает у него сомнений, как собственно и у Н. Бердяева, считая, что известностью она обязана своему полу, если бы тоже сделал мужчина, это бы восприняли как должное. С другой стороны, он утверждает, что если женщина показывает себя в общественной, научной или культурной деятельности, то это потому, что в ней достаточно высокая М составляющая. Практически соглашаясь с этим А. Белый говорит, что «мы не встречаемся почти с гениальными женщинами», но в тоже время отмечает, что «без влияния женщины на мужчину человечество не имело бы тех гениев, которыми оно справедливо гордится...», потому что без женщины не было бы Данте, Гёте и др. «Женщина творит мужчину не только актом физического рождения; женщина творит мужчину и актом рождения в нем духовности» [9, с. 104]. Не случайно именно в любви Н. Бердяев признает гениальность женщины. Однако, как замечает О. Рябов: «высокая оценка женственности как метафизического принципа не влечет за собой автоматически признания равенства женщины в социальном аспекте: легко любить Вечную Женственность – и гораздо труднее отказаться от определенных предрассудков в восприятии каждой конкретной женщины» [5, с. 130].

Интересно, что одна из *гениальных* женщин эпохи замечает по данному поводу: «в самой современной литературе, в новейших произведениях, от порнографических до талантливых, – ни одним автором не было еще нарушено это мировое, Вейнингером определенное, отношение к женщине: женщина – объект поклонения, вожделения, почтения, презрения или отвращения, зверь или бог, нечто связанное с полом, «совсем другое», нежели человек, – уже потому, что всегда объект» [11]. При этом З. Гиппиус беспощадна к соратницам по перу, говоря о книге Нины Петровской «Sanctus Amor», она подчеркивает, что это «самообъективизация женщины, признающей пол своей исчерпывающей сущностью и пищушей, как всегда в таких случаях, с помощью

ассимилированных ума и «творчества»» [11]. Идея объективизации женщины, так как она воспринимает себя через мужчину и ее воспринимают относительно него, как было сказано выше, лежит в самой философии Серебряного века.

Преимущественно мужской дискурс литературы требовал от женщины-писателя определенного художественного соответствия. Отрицание эстетической значимости и серьезности женского творчества, восприятие его как подражательного и несамостоятельного, вынуждало женщину-автора приспособляться к требованиям «мужского» литературного канона. В XIX веке многие печатались под мужскими псевдонимами (Н. Д. Хвоцинская – Крестовский, Н. А. Дурова – Александров и др.). Эта тенденция продолжается в литературной критике Серебряного века (З. Гиппиус – Антон Крайний, Нина Петровская – Н. Останин и др.). Если в литературе начала XX века присутствие авторов-женщин уже не удивляло (А. Ахматова, А. Вербицкая, З. Гиппиус, М. Лохвицкая, М. Цветаева, Л. Чарская и др), то в критике к женскому мнению относились без доверия. Кроме того, сами критики пытались подчеркнуть свой мужской подход к оценке литературы, поэтому выступали под мужскими псевдонимами. Особенно верна своему мужскому псевдониму была З. Гиппиус. Антон Крайний стал для нее маской, за которой скрывался очень острый на язык литературный критик. Менее зависима от своей мужской маски критика была Нина Петровская, потому что ее основная маска роковой женщины-ведьмы затмевала все остальные. Она всячески подтверждала эту маску оккультными опытами.

Мужское доминирование и карнавальная стихия культуры Серебряного века определила появление не только масок, но и литературных мистификаций. Так, при участии М. Волошина, появилась Черубина де Габриак, за образом которой скрывалась скромная Елизавета Дмитриева. Загадочная испанка покорила издателя журнала «Аполлон» С. Маковского и остальных членов издательства, известных поэтов И. Анненского, В. Иванова, Н. Гумилева, М. Кузмина и др. Однако, разоблачение маски вызвало скандал, разочарование, оскорбление, которое привело к дуэли Н. Гумилева и М. Волошина. Кроме того, отсутствие маски лишило Е. Дмитриеву возможности продолжать поэтическое творчество. В конце жизни она создает еще одну мистификацию, но уже используя маску ссыльного китайского поэта Ли Сян Цзы. От его имени написан сборник стихов «Домик под грушевым деревом», который тоже появился при мужском участии, ее вдохновителем был китаист-переводчик Ю. Щуцкий.

Следует заметить, что почти все женщины-писатели Серебряного века имели мужское покровительство. С. Гилборт и С. Губар заметили, что мужчины писатели любят проявлять свое отцовство, как по отношению к своему тексту, так и к женщине-писателю [12]. Таким образом, можно говорить о творческих гендерных союзах (В. Брюсов – Н. Петровская, И. Бунин – Г. Кузнецова), иногда они совпадали с семейными союзами (А. Ахматова – Н. Гимилев, З. Гиппиус – Д. Мережковский, Л. Зиновьева-Анибал – Вяч. Иванов). В основе этих отношений, как и в философских поисках эпохи лежит желание понять партнёра, осознать сходство и различие. Возможно поэтому, в символистской прозе появляются тексты, в которых героем рассказчиком выступает представитель противоположного пола («Последние страницы дневника женщины» В. Брюсов, «Чертова кукла» З. Гиппиус, «Sanctus Amor» Н. Петровская и др.). Эти пары связывают близкие доверительные отношения, представленные в дневниках, письмах и воспоминаниях, которые по мнению современников и литературных критиков представляют непосредственный интерес как литературные тексты. Они вобрали в себя черты исповедальной, диалогической и мемуарной прозы, а в некоторых случаях близки современному *автофикшену*, что

привлекает к ним внимание как к историко-литературному документу, и как к творимому жизнью роману.

Таким образом, определившиеся в философском дискурсе Серебряного века представление о гендерных ролях оказало непосредственное влияние на отношение к женскому творчеству, а также определило особенность его развития в тандеме с мужчиной-наставником вне феминистического движения. Следовательно, предмет нашего дальнейшего исследования русской литературы Серебряного века в гендерном аспекте станет творческий диалог писателей. Данный подход реализует лотмановскую идею о необходимости мужского и женского взгляда на культуру, в котором заключено её многоголосие.

Список использованной литературы

1. Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре: быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века) / Ю. М. Лотман. – Санкт-Петербург: Искусство, 1994. – 133 с.; Lotman Yu. M. Besedy o russkoy kulture: byt i traditsii russkogo dvoryanstva (XVIII – nachalo XIX veka) / Yu. M. Lotman. – Sankt-Peterburg: Iskusstvo, 1994. – 133 s.

2. Пушкарь Г. А. Типология и поэтика женской прозы: гендерный аспект (на материале рассказов Т. Толстой, Л. Петрушевской, Л. Улицкой): дис. ... канд. филол. наук: спец. 10.01.01 / Галина Александровна Пушкарь; Ставропольский государственный университет. – Ставрополь, 2007. – 217 с.; Pushkar G. A. Tipologiya i poetika zhenskoy prozy: gendernyy aspekt (na materiale rasskazov T. Tolstoy, L. Petrushevskoy, L. Ulitskoy): dis. ... kand. filol. Nauk: spets. 10.01.01 / Galina Aleksandrovna Pushkar; Stavropolskiy gosudarstvennyy universitet. – Stavropol, 2007. – 217 s.

3. Hoeveler D. Women's Literary Creativity and the Female Body / edited By D. Hoeveler, D. Schuster. – New York: Palgrave Macmillan 2007. – 202 p.

4. Степанов Ю. С. Константы: словарь русской культуры / Ю. С. Степанов. – Москва: Языки русской культуры, 1997. – 824 с.; Stepanov Yu. S. Konstanty: slovar russkoy kultury / Yu. S. Stepanov. – Moskva: Yazyki russkoy kultury, 1997. – 824 s.

5. Рябов О. В. Женщина и женственность в философии Серебряного века / О. В. Рябов. – Иваново: Иван. гос. ун-т, 1997. – 159 с.; Ryabov O. V. Zhenshchina i zhenstvinnost v filosofii Serebryanogo veka / O. V. Ryabov. – Ivanovo: Ivan. gos. un-t, 1997. – 159 s.

6. Берштейн Е. Трагедия пола: две заметки о русском вейнингеризме // Е. Берштейн // Новое литературное обозрение. – 2004. – № 65. – С. 208–228.; Bershteyn Ye. Tragediya pola: dve zametki o russkom veyningermanstve / Ye. Bershteyn // Novoe literaturnoe obozrenie. – 2004. – № 65. – S. 208–228.

7. Бердяев Н. А. Эрос и личность. Философия пола и любви / Н. А. Бердяев – Санкт-Петербург: Азбука-классика, 2006. – 224 с.; Berdyayev N. A. Eros i lichnost. Filosofiya pola i lyubvi / N. A. Berdyayev – Sankt-Peterburg: Azbuka-klassika, 2006. – 224 s.

8. Вейнингер О. Пол и характер [Электронный ресурс] / О. Вейнингер. – Москва: Академический Проект, 2012. – 320 с. – Режим доступа: <http://lib.ru/DPEOPLE/wajninger.txt>; Veyninger O. Pol i kharakter [Elektronnyy resurs] / O. Veyninger. – Moskva: Akademicheskij Proekt, 2012. – 320 s. – Rezhim dostupa: <http://lib.ru/DPEOPLE/wajninger.txt>

9. Русский Эрос, или Философия любви в России / сост. и авт. вступ. ст. В. П. Шестаков; коммент. А. Н. Богословского. – Москва: Прогресс, 1991. – 448 с.; Russkiy Eros, ili Filosofiya lyubvi v Rossii / sost. i avt. vstup. st. V. P. Shestakov; komment. A. N. Bogoslovskogo. – Moskva: Progress, 1991. – 448 s.

10. Розанов В. В. Уединённое / В. В. Розанов; сост., вступ. ст., коммент. и

библиогр. А. Н. Николукина. – Москва : Политиздат, 1990. – 543 с. ; Rozanov V. V. Uedinennoe / V. V. Rozanov ; sost., vstup. st., komment. i bibliogr. A. N. Nikolyukina. – Moskva : Politizdat, 1990. – 543 s.

11. Гиппиус З. Н. Зверобог [Электронный ресурс] // Гиппиус З. Н. Собрание сочинений в 15-ти т. / З. Н. Гиппиус. – Москва : Русская книга, 2003. – Т. 7 : Мы и они. Литературный дневник. Публицистика 1899–1916. – Режим доступа : <http://gippius.com/doc/articles/zverebog.html> ; Gippius Z. N. Zverobog [Elektronnyy resurs] // Gippius Z. N. Sobraie sochineniy v 15-ti t. / Z. N. Gippius. – Moskva : Russkaya kniga, 2003. – Т. 7 : Мы и они. Literaturnyy dnevnik. Publitsistika 1899–1916. – Rezhim dostupa : <http://gippius.com/doc/articles/zverebog.html>

12. Gilbert S. M. The Queen's Looking Glass : Female Creativity, Male Images of Women, and the Metaphor of Literary Paternity [Electronic resource] / S. M. Gilbert, S. Gubar // The Madwoman in the Attic : The Woman Writer and the Nineteenth Century Literary Imagination. – New Haven ; London : Yale University Press, 1979. – Access mode : <http://www.en.utexas.edu/amlit/amlitprivate/scans/qlg.html>

Стаття надійшла до редакції 16.11.2016

E. V. Pedchenko

**REFLECTIONS ON GENDER AND WOMEN'S CREATIVITY SYMBOLIST
WRITERS AND PHILOSOPHERS SILVER AGE**

The article shows the steps of the women's creativity study in Russian literature and the perception problems in the male literary discourse of the early twentieth century as imitative and non-self. The dependence of attitude to it from the common gender stereotypes have been identified. The main gender provisions discourse of the Silver Age with participation of philosophers V. Solovyov, N. Berdyaev, V. Rozanov and symbolist writers D. Merezhkovsky, A. Bely, V. Ivanov and Z. Gippius have been presented. The latter has been represented as receptive nature, open to Sky and Earth, ready to carry someone else's ideal, to borrow the male persuasion, unable to resist the flow of impressions, inspiration, other influence, but able to influence positively on man and inspire him. This image is opposed to man, who is associated with pride (Lucifer), mind and consciousness, aggressiveness, autocracy, responsibility, discipline, personality, logic, abstract thinking, historical view, theomachist. The gender opposite has been expressed in cooperation of «forming and formed life, the active and passive principles» (N. Berdyaev). Due to Friedrich Nietzsche's influence the «Apollonian» principle was equated to «masculinity» in Russian philosophy, embodying the beauty of harmony, whereas «femininity» equated to «dionysian» concept, which lies in the power of sensuality. We consider the polemic of N. Berdyaev, A. Bely, V. Rozanov, Z. Gippius, O. Weininger around the book «Gender and Character». It referred the concept of Weiningerianism about combination of male and female nature, the third gender, the «evil of womanhood» and women's creativity. The of Z. Gippius's opinion on the issue of perceiving a woman as an object in life and art. The variations of the carnival and literary masquerade in Symbolists creative laboratory have been determined. They are presented by literary hoaxes (Cherubina de Gabriac), aliases usage in critical studies (Anton Krainiy, N. Ostanin), mystical games (Nina Petrovskaya), writing a literary text on behalf of the opposite gender representative (Z. Gippius, N. Petrovskaya, V. Bryusov). The conclusion has been made about relevance of further gender dimension research in Russian literature of the Silver age. That implies dialogues by Z. Gippius and D. Merezhkovsky, V. Bryusov and N. Petrovskaya, A. Akhmatova and N. Guimiliau, L. Zinoviev, Anibal and V. Ivanov, M. Voloshin and E. Dmitrieva. This approach implements the Lotman's idea of need for male and female perspective on culture comprehend as a polyphony.

Keywords: *gender, Weiningerianism, imagology, Silver Age, androgynism, women's creativity.*

Е. В. Педченко

РОЗДУМИ ПРО ГЕНДЕР І ЖІНОЧУ ТВОРЧІСТЬ ПИСЬМЕННИКІВ-СИМВОЛІСТІВ І ФІЛОСОФІВ СРІБНОГО СТОЛІТТЯ

У статті представлені основні положення гендерного дискурсу Срібного століття, учасниками якого виступили філософи М. Бердяєв, В. Розанов, В. Соловйов та письменники-символісти А. Білий, З. Гіппіус, Вяч. Іванов, Д. Мережковський. В рамках даного дискурсу розглядаються думки про жіночу творчість і сприйняття літературної практики письменниць, близьких до символістського кола. Переважно чоловічий дискурс літератури того часу вимагав від жінки-письменниці певної художньої відповідності. Заперечення естетичної значущості і серйозності жіночої творчості, сприйняття її як наслідувальної та несамостійної, змушували жінку-автора пристосовуватися до вимог «чоловічого» літературного канону. Чоловіче домінування і карнавальна стихія культури Срібного століття визначили появу не лише масок, але і літературних містифікацій. В цілому ж, уявлення про гендерні ролі, що визначилися у філософському дискурсі Срібного століття, зробили безпосередній вплив на відношення до жіночої творчості, а також визначили особливість його розвитку в тандемі з чоловіком-наставником поза феміністичним рухом.

Ключові слова: *гендер, вейнінгеріанство, імагологія, Срібне століття, андрогінізм, жіноча творчість.*

УДК 821.161.2-31Рут

Л. В. Романенко

ТВОРЧІСТЬ ВОЛОДИМИРА РУТКІВСЬКОГО У СУЧАСНОМУ УКРАЇНСЬКОМУ ЛІТЕРАТУРНОМУ ПРОЦЕСІ

У статті проаналізовано творчий доробок українського дитячого письменника Володимира Рутківського, становлення його як автора творів для дитячої читацької аудиторії. Визначено основні тематичні напрямки його творів, особливості характеротворення, передумови написання. Намічені орієнтири розвитку української літератури для дітей.

Ключові слова: *історичний роман, пригодницька повість, тетралогія, поетика, художній текст, образ, традиція, сучасна література, фольклор, історіографія, характерник, козацтво.*

Українська сучасна література жанрово і тематично розмаїта. Письменники вдаються до творчих експериментів, синтезуючи нові жанрові одиниці. Та важливим залишається одне – митці слова активно відгукуються на проблеми сучасності, не забуваючи про минуле. Скільки б вигадки не було у тексті, проте він все одно вмщує іноді більше правди, ніж документи. Кожний історичний період широко представлений в українській літературі у всіх своїх соціальних, політичних та релігійних суперечностях.

Поняття «сучасна література» досить умовне, бо не зрозуміло, з якого часу саме вона починається. Проте логічно цей відлік варто робити від часу, коли Україна